

ГОД МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Где жить памятнику?

Тесная мастерская. Фигуры, бюсты — законченные и еще в процессе работы. И среди призрачной белизны гипса и мрамора вдруг возникает она. Шаг. И чуть наклоненный профиль — «профиль камен». И прямой стан. И рука — сложенное крыло — у сердца. И изображение дробится в стихах: «Проста моя осанка, нищ мой домашний кров...»; «Я поднимаюсь по белой дороге, пыльной, звенящей, крутой. Не устают мои легкие ноги виситься над высотой».

И сквозь зыбкость проступает чеканная четкость гравюры.

Есть черный

тополь,

и в окне — свет.

И звон на башне,

и в руке — цвет,

И шаг вот этот —

никому — вслед,

И тень вот эта,

а меня — нет.

Но обретает плоть — уже гипса, еще не камня и бронзы — памятник Марине Цветаевой.

Рина Григорьевна Бадова работает над ним 14 лет. Сегодня модель уже ждет своего воплощения в камне. Но этому воплощению требуется помощь, которой — пока нет...

Мы выходим из мастерской. Ступени. Двери. Мокрый ветер. И неотвязно, в ритм шагов врывается:

Не самозванка —

я пришла домой,

и не служанка —

мне не надо хлеба.

Я — страсть твоа,

воскресный отлук

твой,

Твой день седьмой,

твое седьмое небо.

Там, на земле,

мне подавали грош

и жерновов

навешали на шею.

— Возлюбленный!

Ужель не узнаешь?

Я ласточка твоа —

Психея!

Неужели снова не узнаем — в новом обличье из граната и бронзы?

Ж. В.

Фото

Л. ГОЛЬДБЕРГА

